

ЗВЕЗДА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШАНСОНА

ГАРИК КРИЧЕВСКИЙ

Ангелы
В БЕЛОМ

Автобиографические новеллы
и все песни до единой...

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
К82

Кричевский, Гарик.

К82 Ангелы в белом / Гарик Кричевский. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-102952-4

В молодости популярный шансонье Гарик Кричевский работал санитаром в психиатрической больнице, на «Скорой помощи», а позже врачом-рентгенологом. С легким и незлобным юмором он рассказывает о себе и своих пациентах, с удивительным теплом и любовью описывает людей, даже если эти люди отличались своеобразным, не всегда покладистым характером. Любовь — вот что двигало начинающим музыкантом и автором множества милых лирических песен! Она и по сей день, словно ангел-хранитель, в его душе, в его сердце, в его музыке и песнях.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-102952-4

© Кричевский Г.Э., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Ангелы
В БЕЛОМ

Интродукция

«Вообще-то я не люблю шансон, но ваши песни мне нравятся!» — слышу я от людей, представляющих себя эстетам, но по какой-то причине стремящихся вызвать мое расположение. А еще бывает такое: подходит пузатый мужик лет пятидесяти и вещает, улыбаясь: «Большое спасибо — я вырос на ваших песнях!» Или, скажем, симпатичная девчонка со смартфоном: «Можно селфи? Вы так нравитесь моей МАМЕ!»

«Не удивляйся! — размышляю я. — Время безжалостно! Привыкай, пиши мемуары!»

Скажу прямо: мемуары — это не ко мне, другое дело — истории! В моем понимании (а писатель я непрофессиональный, как, собственно, и музыкант) «история» — это литературно пересказанное (в идеале непосредственным очевидцем) реальное событие. Мне часто советовали издать сборник историй, из тех, что я рассказываю за бутылкой вкусенького в кругу близких друзей. Довольно долго я «тормозил», и объясню почему: во-первых, одно дело — рассказать, другое — написать. Вживую присутствует особое настроение, определенный драйв; ты манипулируешь энергией, импровизируешь, добавляешь элементы актерского мастерства — часто выходит довольно симпатично, особенно если компания хорошая!

На экране ноутбука все выглядит по-другому!

Рассказы становятся не такими яркими, порой даже нудными — пропадает динамика!

Говорят, Сократ верил в преимущества речи над написанным текстом! Отсутствие визуального ряда трудно компенсировать даже изящно написанным текстом — и все же я решился!

В мои планы входит создание трилогии под общим названием: «Скрипач в законе». Первую книгу «Ангелы в белом» осмелюсь предложить вам, мои потенциальные читатели.

Для начала я вдохновился коллекцией личных историй, датированных двумя годами, а именно с момента окончания школы и до поступления в медицинский институт. Я не случайно выбрал этот период моей юности с 1980 по 1982 год, когда после окончания средней школы оказался на должности санитаря в психиатрической больнице, а позднее — на пятой станции «Скорой помощи», параллельно играя на бас-гитаре в вокально-инструментальном ансамбле пивзавода «Колос»! Согласитесь — полный сюр!

Итак, если вы готовы к погружению в период позднего застоя — поехали!

События и персонажи — реальны! Имена героев изменены. Выражаясь языком голливудских сценаристов, «любое совпадение является случайностью»!

Кульпарковская

Годы, минуты, мгновения, стремительно пролетевшие после окончания школы и до поступления в медицинский институт, формируют цепь парадоксальных, но довольно впечатляющих событий. На голову музыканта-любителя и потенциального абитуриента с задатками профессионального распи...я свалилась целая гора «прелестей» начала жизненного пути. В повествовании я обойду стороной амурные страсти во избежание последствий ментального мазохизма.

В то время поступить в медицинский институт задача была непростая. Хорошего аттестата и знаний недостаточно! Не-

обходимы деньги, безупречная биография, «правильная» пятая графа! В этом контексте мои позиции казались проигрышными во всех отношениях! Наша среднестатистическая семья не принадлежала к элитному кругу советской номенклатуры, чьи мажорные отпрыски легко поступали в престижные вузы. Мои демократично-либеральные родители — обычные врачи. Среди друзей нашей семьи преобладали медики, актеры, инженеры. Партийных и гэбэшных боссов не было и в помине — ну какой мединститут! Пока родственники искали возможности для моего поступления, как тогда выражались, блат, выяснилось, что, ко всему прочему, очень желательно иметь рабочий стаж. На семейном совете приняли решение отправить меня в санитары. Кто-то из маминых знакомых предложил блатное место в образцово-показательном третьем отделении Львовской областной психиатрической больницы.

К моему удивлению, это считалось невероятно круто! Социальное неравенство культивировалось в психиатрических больницах. Третье отделение предназначалось для высшей касты советских людей. В отличие от других, обычных отделений, третье выглядело как санаторий номенклатурной элиты. В отделение попадали обладатели солидной должности или блата.

Санитары в психбольницах получали немного больше своих коллег в обычных стационарах, а рабочий день был значительно короче. И все же я приуныл! Учитывая, что мои скромные представления о психиатрии в основном основывались на песне Высоцкого «Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное — невероятное», идея казалась полным абсурдом, но, как оказалось, были и свои неоспоримые преимущества! Рабочий день начинался в девять утра, и уже к двум часам дня я был свободен. Такой график позволял готовиться к вступительным экзаменам, а вечерами репетировать с группой на пивзаводе «Колос».

Когда я впервые зашел в кабинет заведующего третьим отделением Львовской областной психиатрической больницы, доктор Куць убил муху сувенирной гетманской булавой! Удостоверившись, что муха повержена, заведующий откинулся на спинку кресла, положил булаву на заваленный разной всячиной письменный стол и хрюкнул... Почему-то я не удивился! Мне сразу бросились в глаза коричневые сандалии, надетые на полупрозрачные нейлоновые носки.

— Как, говоришь, твоя фамилия... хрю? — спросил Куць.

— Кричевский! — ответил я на пониженной громкости.

— Кричевский... мда... хрю... — заведующий задумался. — А ты не родственник Абрама Кричевского, режиссера... хрю?

— Думаю, нет! По крайней мере, мне ничего неизвестно о таком родстве.

Заведующий громко чихнул, два раза хрюкнул и угрожающе приподнял булаву над столом.

— Подарок студентов курса повышения квалификации! — сообщил доктор Куць. — Как говорил мой дед: «Если подарок нельзя выпить — подарок — х...ня!»

Я напрягся, но оценил пассаж. Заведующему явно повезло с дедом, но повезло ли мне с шефом? Куць подошел к громоздкому серванту, заставленному книгами и фигурками советского фарфора. В углу нижней полки покоился череп с крупным отверстием на лобной кости. Перехватив мой взгляд, заведующий пояснил:

— Достался по наследству от предшественника — подарок Антона Кемпинского, знаешь такого... хрю?

— Нет! — честно признался я.

— Знаменитый польский психиатр... гений, можно сказать... хрю! — Заведующий открыл небольшую дверцу бара и извлек початую бутылку коньяка «Ужгород».

— Тебе не предлагаю... или как?

— Спасибо, мне с утра не зайдет, — честно признался я.

— Правильно делаешь... хрю — успеешь еще! — Заведующий налил коньяк в глиняную кружку «Трускавец 1975», блаженно сделал большой глоток и хрюкнул.

— А так можешь? — Неожиданно заведующий вскочил, расставил руки и принялся приседать на одной ноге. Учитывая возраст, вес и наличие брюшка, получалось у него довольно неплохо, но уместность происходящего вызывала сомнения.

Я несколько раз присел на одной ноге, демонстрируя лояльность к странной прихоти шефа.

— А так? — Заведующий двенадцать раз отжался от пола. В свою очередь, я отжался раз тридцать...

— Спину держи ровнее... хрю, и не прогибай грудную клетку! — поправил меня заведующий. Запыхавшись, доктор Куць плюхнулся в кресло у письменного стола.

— Я так тебе скажу, Кричевский... хрю: если хочешь у нас работать — ничему не удивляйся и будь бдителен!

Сложно было не удивляться, если сам заведующий внушал некоторые опасения!

Выйдя из кабинета, я мысленно поздравил себя с началом взрослой жизни! Начало показалось мне довольно экзотичным... хрю!

Постигая профессию

В образцово-показательном третьем отделении лечились «особо важные персоны»: всякого рода начальники, партийная номенклатура и торгаши (алкоголики, проходившие курс антинаркологической терапии). Попадались и обычные психбольные с самой широкой палитрой диагнозов. В мои основные обязанности входила фиксация пациентов во время инсулинотерапии. Эту методику любили применять советские психиатры: больного привязывали к койке (как у нас говорят: «фиксировали»), после чего вводили лошадиную дозу инсулина, искус-

ственно вызывая гипогликемическую кому. Представьте: у вас завис компьютер и вы его перезагружаете. Приблизительно то же происходит с мозгом человека, когда он переживает гипогликемический шок. Больной впадает в беспамятство, сильно потеет, бредит... На пике процедуры пациенты часто становились агрессивными. Некоторые здоровяки легко разрывали простыни, которыми мы фиксировали конечности. В особо сложных случаях, когда мы не справлялись, приходилось прибегать к дополнительной помощи, привлекая врачей и сестринский персонал. Когда процедура достигала апогея, больному вводили инъекцию глюкозы, состояние пациента постепенно приходило в норму. Довольно быстро я втянулся в процесс и вскоре стал своим в блатном третьем отделении. Окончательно освоившись, я разделил пациентов на три группы: шизофреники, алкоголики и абсолютно здоровые, по той или иной причине находящиеся на лечении. Колоритные персонажи наблюдались во всех группах. Скажем, среди алкоголиков выделялась тройца с забавным прозвищем КГБ — Коля, Гриша и Борис: мужики среднего возраста с лицами профессиональных адептов Бахуса, они вальяжно разгуливали по отделению в тренировочных костюмах, цепляя взглядом персонал, в надежде на понимание их насущной проблемы. Мужикам хотелось выпить! А пить им было категорически нельзя! Тройцу подшили французским препаратом эспирал. Врачи сознательно вешали лапшу на уши алкоголикам: мол, после эспирала в случае попадания в организм даже незначительной дозы алкоголя человек может умереть! На самом деле это была полная чушь! В худшем случае пациент мог ощутить легкое недомогание и позывы к рвоте. Несколько раз КГБ пытались уговорить меня, чтобы я пронес в отделение бутылочку.

— Тройной счетчик, студент! — обещали мне КГБ. Я категорически отказывался.

— Мы уважаем твои принципы, но ты пойми и нас! Сложно так жить... Организм требует!

— Так вы же можете помереть, не дай бог! — прикалывался я.

— Все — под контролем! Перед употреблением ложка уксуса — и пей хоть цистерну!

Вынужден признать, в словах КГБ была доля правды. Кислотная среда значительно нейтрализует действие эспирала.

Топор

Когда работы не было, я без дела слонялся по отделению или смотрел телевизор в ординаторской, но иногда возникала необходимость помочь коллегам из других отделений. Приходилось сопровождать пациентов шестнадцатого «хронического» отделения к месту работы, в печально известный швейный цех.

В шестнадцатом содержались безнадежные больные; ремиссии у таких пациентов не бывает. Фактически они отбывали пожизненное заключение. За редким исключением, «хронические» никогда не покидали территорию больницы. Многие больные были вполне работоспособными, чем активно пользовалась администрация.

На территории больницы находилось небольшое швейное производство, где относительно вменяемые «хроники» работали в цеху по производству спецодежды. Шаркающей походкой больные ковыляли на работу, издавая странные внутриутробные звуки. По сей день мне непонятна этиология этих вибраций. В такие минуты я ощущал себя вертухаем ГУЛАГа. Надо признать — чувство отвратительное!

Отдельной группой на работу приводили женщин.

Женщины вели себя гиперактивно, иногда беременея после посещения туалета. Каким-то образом эти заторможенные люди, накаченные нейролептиками, успевали перепихнуться буквально под носом строгих санитаров-надзирателей.

Для большинства «хронических» работа была единственной отдушиной, вносившей некоторое разнообразие в монотонную жизнь.

Но были и другие времена!

В шестидесятые годы в больничном цеху наладили производство модных и очень дефицитных в то время болоньевых плащей. Любой пижон времен «оттепели» мечтал иметь в своем гардеробе болоньевый плащ. В отличие от «шедевров» Наро-Фоминского шелкового комбината, львовские цеховые плащи, сработанные психбольными, выглядели почти как фирменные изделия из далекой Италии! Эшелонами плащи разлетались по всему Советскому Союзу. Цеховики заработали миллионы, но когда история вскрылась, всех причастных, включая главврача больницы, расстреляли!

Однажды я увидел, как на новенькой «Ладе»-«шестерке» цвета «мокрый асфальт» к цеху подъехал старший мастер. При его зарплате рублей сто сорок — сто шестьдесят все говорило о том, что дело покойных цеховиков в какой-то мере живо и процветает! Как говорится, место оказалось намоленное!

В конце ноября я буднично сопровождал «хронических» на работу в цех. Нестройную колонну возглавляли две дородные медсестры, напоминающие колхозных доярок. Замыкал шествие возрастной санитар Орест Погиба.

— Начальник! Помоги! А, начальник? — обратился ко мне мужчина лет сорока. В его грустном взгляде читалась беспробудная тоска.

— Чем могу быть полезен?

— Отпусти, начальник! Домой охота!

— Это не в моей компетенции, такие вопросы я не решаю!

— Врачи — сволочи и садисты! А у тебя глаза добрые! — жалобно пояснил «хронический».

— Вернись в строй, Сулима! — грозно скомандовал Погиба. — По аминазину соскучился?

Мужчина наклонился, пытаясь поправить язычок ботинка. Когда колонна остановилась, больной резко вскочил и, прихрамывая, стремительно побежал в сторону больничного забора. «Хронические» беспокойно переглядывались, издавая странные звуки, напоминающие гогот пингвинов. Я рванул за Сулимой. С другой стороны мчался Погиба, извергая порции мата и междометий. Беглец пытался вскарабкаться на высокую больничную стену, но сорвался и угодил в крепкие объятия Погибы.

— Ну шо, спортсмен! — почти нежно произнес Погиба. — Идем до доктора... Уколють — будешь как цветочек в вазе!

Шизофреник Ярослав Сулима никогда не покидал «Кульпарковскую», фактически отбывая пожизненное. Обитатели больницы наградили Сулиму прозвищем Топор.

Когда-то Ярослав числился обычным пациентом, не представляющим социальной опасности. Долго и безуспешно Сулиму лечили, а точнее, подлечивали от целого букета психопатологических процессов. На выходные и праздники Ярослава охотно отпускали домой, под ответственность родственников.

В первое воскресенье сентября брат забрал Ярослава домой. Позавтракав в кругу семьи, Ярослав пробежался по программе телепередач в газете «Высокий замок». Искренняя, почти детская улыбка озарила обычно грустное лицо Ярослава Сулимы. Программа обещала передачу «Клуб кинопутешественников». Ярослав, предвкушая долгожданную встречу с недоступными для советского человека заморскими странами, включил телевизор «Огонек». Но вместо любимой программы шел старый фильм о Ленине...

Ленин выступал перед толпой матросов на броневике. Ленин на Всероссийском съезде Советов рабочих депутатов...

Несколько минут Ярослав просидел в оцепенении. Очнувшись, он вышел на балкон и одну за другой вы-